

ОТДЕЛ
ТЕАТРАЛЬНО-МУЗЫКАЛЬНОГО
ИСКУССТВА

18567

АЛЕКСАНДРИНСКИЙ Т Е А Т Р

Бенефис г. Мартинова /10 февраля/.

"А ведь представление—то было важнейшее, говорил один синий кафтан другому, спускаясь с лестницы театра по окончании спектакля: перемен—то сколько, что и счет потерял...

— Отменно хорошо, отвечал другой: я уж жида так просто распотешили! Ах проклятые, душеньку надорвал от смеху: жидовка—то так и подпрыгивает ножками, что твоя лошадь не стоит на морозе, толчется, толчется, да потом и дернет вперед, а нет, так назад осадит. А жид рассыпается себе миллим бесом: то присядет, то вскакивает, то на бочек на бочек покривится, да весь и обомлеет, ладони—то приставит к своей жидовской образине и ухмыляется, ах чорт его возьми, теперь даже смех пробирает...

— Важно, важно, заметил первый.

Я не слушал дальнейшего разговора двух синих кафтанов, но и этого для меня было довольно, чтобы решить вопрос: угодил ли комунибудь г. Мартинов своим бенефисом. Да, как вы видите, угодил, но очень жаль, если он только имел в виду ту часть публики, для которой все равно что театр, что балаган. Не говорю, что на нее нужно смотреть с пренебрежением; от чего и для ее потехи иногда не давать того, что ей может нравиться, не время ее нравственности? Об этом я уже прежде высказал свое мнение, и здесь не буду повторять его; замечу только, что БЕНЕФИЦИАНТУ следует прежде всего иметь в виду остальную, образованную часть публики, которая приходит в театр наслаждаться, которая одна может вполне оценить талант. Бенефициант должен выказать всю силу и весь блеск своего таланта в вечер своего бенефиса, потому что этот вечер посвящается исключительно ему; образованная публика идет в театр для него из уважения и любви к его таланту, из желания видеть своего любимца хотя в одной роли, где заметны были бы его труды, обдуманность, обработка, одним словом все то, что доводит роль до совершенства, и публика в праве требовать от бенефицианта всего этого; если же он обманет ее ожидания, то она в таком же праве и упрекать его. Очень жаль, что г. Мартинов совсем иначе смотрит на публику; очень жаль, что он не дорожит мнением истинных ценителей его таланта: еще более жаль, что он надеется больше на расписанную и разукрашенную афишу, чем на свое имя и на доверие к себе публики. И кого же приманила такая афиша? Предыдущие бенефисы убедили публику, что, эти длинные афиши, очень обманчивы, что бенефицианты более занимаются ими, чем своею игрою, и вот г. Мартинову выпало на долю видеть в театре довольно пустых мест. А мы прибавим, что ничего не потеряли те, которые не были в этот вечер в спектакле, и никто не в праве пенять им за хладнокровие к отечественным талантам: талант должен наслаждаться собою своих ценителей, если же он отказывается от этого, то не в праве ни на что и надеяться. В самом деле кому охота заплатить двойные, тройные цены и более, чтобы видеть пренебрежение артиста к публике. Мы не восставим против больших бенефисных цен, и уверены, что все охотой будут платить их из одного желания выказать таланту свою любовь и поощрить его, но для этого нужно, чтобы и у самого бенефицианта лежала на сердце забота, как насладить эту публику и как усилить веру в свой талант. Если же он поступит иначе, то выкажет крайнее неуважение к людям, которые, кроме добра и прочной славы, ему ничего не желают.

209

Сам бенефициант, наш знаменитый Мартинов, участвовал невидимо и слабо в своем бенефисе. У него была только небольшая роль в новом одноактном водевиле, соч. актера г. Бойкова, "Дядюшка хлопотун", пьесе, очевидно, назначенной для съезда. Здесь представляется старый дядюшка /г. Мартинов/, который путает дела своего влюбленного племянника из желания угодить ему, и наконец сам попадает в просак. Пьеса, как кажется, могла бы разыграться забавно и живо, если бы действующие лица позаботились потверже выучить свои роли, а то весьма неприятно слышать, как актер повторяет слова суфлера, голос которого достигает до ложи. Здесь мы не можем сказать ничего только против г-жи Самойловой, которая представляла горничную Дашу и умела из незначительной роли сделать заметное; но должны пожалеть, что у г-жи Александровой, недавно поступившей на сцену, голос самый невыгодный для актрисы; чтобы образовать его ей надо употребить много усилий.

Г. Мартинова мы видели еще несколько минут в пьесе "Дочь волшебного мира или Ветопник-миллионщик", в волшебном-романтическом представлении в трех действиях и в ОДИНАДЦАТИ картинах, соч. Фердинанда Раймунда, перевод с немецкого. Зачем бенефициант избрал все эти волшебства и превращения, для нас решительно непонятно. Добро бы, если бы он сам представлял тут первое лицо, но эту обязанность исправлял г. Марковецкий, а он только олицетворял собою СТАРОСТЬ, которая является на сцену на пять минут. Да и зачем, из каких интересов возобновлять такие пьесы, которые, раз попав в театральный архив, и должны бы там остаться навсегда. Пусть Немцы составляют их, пусть и играют, если им это нравится, пусть немецкие комедианты привозят их с собою на ярмарки и в балаганы - там мы не судьи; да им и простительно: они не знают, что русскому духу совершенно чужд тот мистицизм, который лежит в характере немцев и часто туманит немецкие головы. Может быть соотечественники Фердинанда Раймунда извлекут себе поучение из этой пьесы, не даром же автор славится именно поучительной целью своих сочинений; но что тут найдет русский зритель, у которого склад ума совсем другой, так что нельзя его учить такими волшебствами; простой пример из ежедневной жизни действует на него вернее и поразительнее всех этих фантастических и мистических штук. Вы видите, как смотрит на них народ: ему понравилось только то, что было много перемен, и действительно одиннадцать картин представляют не мало разнообразия для глаз, но чтобы вникнуть в общую идею всех картин - это слишком отвлеченно для русского практического ума. Для образованных зрителей такая пьеса еще менее удовлетворительна, потому что заставляет их скучать; им нужен связный драматический интерес, где бы выказывалась игра актеров, а отрывочные картины одна за другою, воля ваша, весьма утомительны.

Не буду рассказывать содержания этого немецкого волшебного представления "Der Bauer als Millionair"

oder das Mädchen aus der Feenwelt"

вероятно наш собрат по театральной части, совершит этот подвиг и расскажет содержание в своем отзыве о немецком театре. Об игре актеров тоже говорить нечего: какая может быть игра в таких волшебных представлениях, как тут следить за развитием чувств и страстей, за характерами, где все основано на отрывочных картинах? Впрочем, надо отдать справедливость г. Марковецкому: он ХОТЕЛ играть и сделал все, что может сделать хороший актер в такой пьесе; недостаток довольно важный тут был один: местами мы должны были выслушивать прежде слова суфлера.

Это же замечание мы должны сделать и некоторым другим из действовавших лиц. Г. Мартынов прекрасно представил фигуру старости, но это еще не похвала такому артисту как он.

Об оперетке "Узкие башмаки", также возобновленной, взялся говорить наш сотрудник, которому с полным удовольствием предоставляем этот труд, как известному знатоку музыки.

В заключение бенефиса был ДИВЕРТИССЕМЕНТ из танцев и пения. Г. Петров пропел известную песню БОРОДА ЛЬ МОЯ БОРОДУШКА, как всегда, с большим искусством. По афише г-жа Самойлова и г. Самойлов должны были петь ИЖОРСКУЮ ПЕСНЮ /музыка соч. г. Самойлова, аранжированная для оркестра г. Кажинским/, но не знаем, почему мы не имели удовольствия их слышать. Г-жа Никулина и г. Богданов танцевали мазурку /*Petulance*/ с большим увлечением; в их тан-

це было столько ловкости и огня, что публика пришла в восторг и потребовала повторения, что и было исполнено. Г-жа Радина 3-я и г. Иванов 3-й также вызвали рукоплескания своим танцем *pas de deux*. О жидовской пляске, названной в афише ТАНЦЕМ, мы уже выразили свое мнение в отзыве о бенефисе г. Самойлова; теперь только просим припомнить, как описывал ее синий кафтан под влиянием первого впечатления; описание его довольно верно.

Нужно ли после всего этого делать общее заключение о бенефисе г. Мартынова? Нет, его каждый может себе сделать сам. Мы только посоветуем нашему первоклассному комику возобновлять лишь такие пиесы, в которых он может обработать роль и заставить нас смотреть старое, как новое. Найти не трудно, только поищите: в этом случае г. Мартынову не нужно будет хлопотать даже о новых пиесах, которые для бенефисов у нас почти всегда составляют на спорую руку и оказываются очень слабыми.

Сейчас мы получили небольшое суждение о том же бенефисе от любителя, как и мы обманувшегося в своих ожиданиях; пусть его слова будут служить дополнением к нашему отзыву.

ТЕАТРАЛ.

Пиши куплет, когда, желая лишку,
В свой бенефис расчетливый актер
Печатает предлинную афишку,
И публике дает формальный вздор.

Вот что лет двадцать назад в одном из своих водевилей сказал нам известный куплетист Ленский, и вот что мы, не пишущие куплетов, должны были произнести презренной прозой о всех бенефисных русских артистов настоящего сезона, начиная с января месяца, времени рождения М. и Т. Вестника, и что преимущественно должны, увидав, повторить о бенефисе нашего славного и первоклассного комика г. Мартынова.

Нас может быть обвинят, что мы очень взыскательны, слишком требовательны, ждем от бенефисов и бенефициантов невозможно-совершенных пиес и необыкновенно отчетливо разумной и артистической передачи ролей. Ни чуть не бывало, мы очень хорошо знаем нашу бедность в новых драматических пиесах, но специальный журнал, следящий за успехами родной сцены, должен считать себя обязанным стоять за публику, ~~выражать свое мнение~~ выражать мнение образованной ее части и желать усовершенствования русского театра. Не теперь, но при другом случае, в приготовляемых нами статьяж: АФИША, БЕНЕФИС и прочее, мы постараемся разобрать это дело подробно и добросовестно, а теперь, скажем слова два о спектак-

ле 10 февраля. Пусть наши слова будут дополнением к статье Вестника о бенефисе г. Мартынова.

Г. Мартынов, щедро наделенный высоким комическим и даже драматическим талантом, около двадцати лет пользуется любовью публики. Он уважает свое искусство и в доказательство скажем, что если захочет, то создает характеры безукоризненно верно. В нынешнем сезоне он художнически олицетворил три характера: Михаила /"Чужое добро" г. Потехина/, "Ипохондрика" /в пьесе г. Писемского/ и Брускова /"В чужом пиру похмелье"/ г. Островского. За такой труд публика постоянно выражала своему любимцу большое спасибо. Неужели русские драматурги не благодарны г. Мартынову и не хотели для его бенефиса написать пьесу, где он мог бы в свой праздник достойно угостить своих гостей - посетителей бенефиса? Нет, мы этого не думаем, не хотим, не можем думать, а убеждены, что г. Мартынов мало заботился о бенефисе, не хотел похлопотать о доставлении наслаждения публике, а по свойственной Русскому привычке, весьма грустной, сказал сам себе: "Составляю бенефис какнибудь, возьму из театральной библиотеки какой-нибудь хлам, авось сойдет, публика меня любит, посетителей будет довольно."

О как жестоко ошибся наш славный комик. К прискорбью бенефицианта, театр был не полон, много было пустых лож, довольно не занятых кресел и мест за креслами. Мы признаемся, рады неудачи артиста. Невнимание его к публике наказано достойным образом: артист, кроме первого своего выхода, был даже холодно принимаем в этот вечер. Его ни разу не вызвали во время спектакля, а кто не знает, как посетители Александринского театра щедря на вызовы.

И так на нынешний раз семиверстная афиша с бесчисленными названиями актов, явлений и разных движений не помогла поймать на удочку публику. Предшествовавшие бенефисы отбили у нее охоту платить в три-дорого за скуку в бенефисах. И прекрасно! Еще несколько таких постоянных уроков бенефициантам и дело начнет исправляться. Спектакли не будут продолжаться вечер и ночь, старейший хлам театральной библиотеки не станет воскресать на сцене, им пидь скоро не пустишь в глаза публике, и тогда... о как бы дожить до этого счастливого времени!

А. П. Б.

/Театральный и музыкальный вестник 1856, № 8 стр. 143-145./